

УДК [725.945+730.05]:7.067.3(47+57)

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ В СССР В 1918–1925 и 1945–1960 гг.: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Аннотация. Статья посвящена опыту использования монументальной пропаганды советской властью на заре становления и в послевоенное время. Особое внимание уделено историческим источникам как стратегическим документам, которые формируют цели, задачи, направления агитационной политики. На конкретных примерах раскрывается взаимосвязь политического пространства советских городов 1920-х гг. и антивоенного дискурса, исторической памяти о Великой Отечественной войне. Авторами выделены общие черты и различия советского опыта монументальной пропаганды и концепции увековечения подвига советского народа в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: монументальная пропаганда, коммеморативные практики, памятники, историческая память, репрезентация власти, советская архитектура.

Советская монументальная пропаганда являлась важным элементом демонстрации объединяющих общество идей. Вопросы фиксации исторической памяти в отечественных памятниках культуры в XX в. не теряют своей актуальности. В настоящее время особый интерес представляет исследование способов организации увековечения значимых для СССР исторических событий и лиц, создание и поддержание советского монументального пространства в различных условиях. После проведения анализа научной литературы, следует отметить, что отсутствуют работы, в которых бы проводился сравнительный анализ предпосылок формирования, направлений и тенденций масштабной идеологической агитации в 1920-х и 1940–1950-х гг., и, поэтому, тема нуждается в дальнейшей разработке. Среди трудов, затрагивающих отдельные аспекты монументального искусства, можно назвать «Конструирование политического пространства советского города 1920–1930-х гг.» Е. В. Барышевой [Барышева] и «Памятники Великой Отечественной войны Москвы: формирование политического капитала и отображение памяти» О. А. Зиновьевой [Зиновьева, 2017, с. 55–64]. Поиск и анализ источников позволили выявить несколько тематических и правовых документов эпохи, которые вкупе с научной базой помогли провести объективное сравнение. Для сопоставления двух художественных эпох следует выделить критерии 1. управленческого и 2. историко-культурного характера.

На заре становления советской власти под руководством председателя Совета народных комиссаров В. И. Ленина был разработан агитационный план коммунистического искусства [Ленин о монументальной пропаганде]. В декрете

¹ Научный руководитель: Е. В. Олимпиева, кандидат философских наук, доцент УрФУ.

«О памятниках Республики» от 12 апреля 1918 г. указывалось, что памятники, которые не соответствуют новой реальности необходимо демонтировать, а вместо них установить революционные монументы. Во вспомогательном нормативном акте был очерчен круг лиц, которые должны были прийти на смену старым авторитетам [Список лиц]. Власть практически никак не регламентировала способ и порядок изготовления памятников, имелся лишь государственный «поименный заказ». Большинство монументов было поставлено стихийно, без привязки к окружающему ландшафту, причастность отдельных лиц к истории крупных городов и вовсе отсутствовала (Робеспьер, Брут, Верхарн и т. д.). Объединяющей скрепой для всех этих, порой противоречивых, героев мировой и отечественной истории стала новая коммунистическая идеология. В условиях ограниченных материальных возможностей, а также сжатых сроков большинство памятников изготовлялось из гипса, бетона, мраморной крошки и дерева, что приводило к постепенной порче, а иногда – к полному исчезновению. Историческая достоверность воспроизводимых портретов, несмотря на тяготение к реализму, была удручающей, скульпторы стремились воспроизвести лишь наиболее узнаваемые черты. Говоря о характерных особенностях, присущих монументальным композициям того времени стоит выделить основные: масштабность, массовость, рациональность, сакральность и преобладание количества над качеством. Они наиболее ярко воплотились в таких архитектурных образах, как «Памятник жертвам революции» на Марсовом поле в Петрограде (1919 г., Л. В. Руднев) и мавзолее В. И. Ленина в Москве (1924 г., А. В. Щусев). На Урале это направление искусства было представлено екатеринбургскими скульптурами «Освобожденному труду», «Уральские коммунары», «Карл Маркс» (1918–1921 гг., С. Д. Эрзя (Нефёдов). Памятники, как коммунистические алтари, располагались в основном в центральных районах городов, в отдельных случаях прямо на площадях или иных открытых пространствах. Такой облик советского города способствовал созданию легитимности советской власти в визуальном виде вплоть до середины 1920-х гг.

Политика, проводимая в области монументального искусства в послевоенные годы, была более цельной и продуманной: это выразилось как в создании многочисленных программных документов [Постановление СНК от 18.02.1946 г. № 405-165с], так и в увеличении объема ассигнований. В отличие от первых лет советской власти в конце 1940-х гг., по мере восстановления страны, значительно увеличивалось количество возводимых скульптур. Основой возведения были уже не легкоразрушимые материалы, а более устойчивые, например, бронза, габбро или хромоникелевая сталь. Великая Отечественная война, будучи пока еще не историческим фактом, а повседневностью, рассматривалась властью через двойную призму – солдатского мужества на фронте и доблестного труда в тылу. Сразу после войны на окраинах населенных пунктов появляются самодельные бетонные или железные стелы-кенотафы с табличками-списками имен солдат, не вернувшихся с войны. Власть включилась в эту работу несколько позднее: через монументальное искусство необходимо было явить не

столько идеологическую, сколько человеческую, жизненную Победу. Спустя 2 года после окончания войны в свет вышел альбом с образцами для сооружения памятников и монументов погибшим воинам [Типовые проекты]. В этом документе детально регламентировались размеры, материал, толщина, фундамент, место установки памятных изделий. Здесь наблюдается явный контраст со «свободой творчества», которая царила на заре становления советской власти. Мемориальные композиции рекомендовалось устанавливать прямо на месте захоронения конкретного бойца или группы солдат, обелиски были лишены персонализированности, допускалось рельефное изображение собирательного образа солдата, идущего в атаку. Это позволяет говорить о прямой причастности памятников к происходящим событиям. Основными стилевыми решениями были монумент, стела и камень, соответствующие определенным размерным характеристикам, что сокращало скульпторам простор для творческого маневра. В 1948 г. вышел правительственный документ, касавшийся усиления мер по охране памятников культуры [Постановление Совета министров от 18.02.1946 г. №405-165с]. В соответствии с ним все памятники культуры подлежали обязательной процедуре паспортизации, ветхие монументы необходимо было реставрировать на выделяющиеся средства, что позволило уберечь от разрушения многие из рассмотренных выше объектов. Для особо отличившихся героев войны допускался разрыв с местом фактического события, чтобы показать обществу образцы для подражания. Это выразилось, например, в нормативном закреплении решения о сооружении бюстов дважды Героям Советского Союза и дважды Героям Социалистического Труда для последующей установки их на малой родине: памятник маршалу И. С. Коневу в Лодейно (1950–1969 гг., Е. В. Вучетич), бюст хлопкороба А. Анарова (1957 г., К. Г. Кошкин). Эти и подобные им объекты отличались большой исторической достоверностью, так как изготавливались с «живых образцов», а при неимении таковых – с фото и видеокопий. Другим наиболее встречающимся композиционным решением был мемориал, который чаще всего создавался на месте крупнейших трагических сражений и битв, например, в Калининграде (1946 г., Ю. Микенас), или Берлине (1949 г., Е. В. Вучетич).

Антивоенная тема в монументальном искусстве 1940–1950-х гг. была не менее актуальна, чем тема прошедшей войны. Задачей произведений было донести до зрителя реалии конфликта, иными словами, «камень зывал к миру». Этот принцип наглядно отражен в многофигурной скульптурной композиции «Требуем мира!» (1950 г., В. И. Мухина и др.), выпущенной в качестве протеста начавшейся Корейской войне. Антивоенные монументы были распространены в меньшей степени, чем «героические», что впоследствии обусловило их большую историко-культурную ценность.

Таким образом, сравнительный анализ советского опыта использования монументальной пропаганды 1920-х и мемориальных практик 1940–1950-х гг. позволил выявить определенные различия и сходства. С точки зрения управленческого критерия государственная политика в области памятников преодолела путь от «разрушения до основания» к «народному сбережению». Что

касается историко-культурной значимости объектов, то на заре становления советской власти памятники отличались низким качеством изготовления, слабой продуманностью композиционных решений и большим разнообразием. После Великой Отечественной войны свобода творчества скульпторов была упорядочена, было создано несколько документов, которые строго регламентировали способ и порядок изготовления, установки композиций. В то же время государство всегда видело в монументах большие воспитательно-просветительские возможности, что было отражено юридически. Все рассмотренные памятники имели практическое (а не эстетическое) значение для советских граждан. Этому способствовало применение универсальных решений: массивность, масштабность, динамизм. Результаты авторского анализа представляют высокую ценность в изучении проблем советского опыта сохранения исторической памяти.

Список источников и литературы:

Барышева Е. В. Конструирование политического пространства советского города 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 11 (154). С. 31–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-politicheskogo-prostranstva-sovetskogo-goroda-1920-1930-h-gg-1/viewer> (дата обращения: 08.12.2021).

Зиновьева О. А. Памятники Великой Отечественной войны Москвы: формирование политического капитала и отображение памяти // Новое прошлое. 2017. № 3. С. 55–64.

Ленин о монументальной пропаганде // Литературной газета. 1933. 29 янв. (№ 4/5). URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/vospominaniya-i-vpechatleniya/lenin-o-monumentalnoj-propagande/> (дата обращения: 08.12.2021).

О взятии на учет воинских захоронений, о благоустройстве и сохранении братских могил и захоронений бойцов и командиров Красной Армии, партизан и партизанок Великой Отечественной войны: Постановление Совета народных комиссаров СССР от 18.02.1946 г. № 405-165с // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г.–июль 1956 г. М.: Госюриздат, 1956.

О мерах улучшения охраны памятников культуры: Постановление Совета министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 // Библиотека Нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4718.htm. (дата обращения: 08.12.2021).

Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР, представленный в Совет Народных Комиссаров Отделом изобразительных искусств Народного комиссариата по просвещению // Известия ВЦИК. 1918. 2 авг. (№ 163 (427)). URL: <https://runivers.ru/philosophy/chronograph/406544/> (дата обращения: 08.12.2021).

Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов Советской армии, военно-морского флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1947. 151 с.